

Глава 11. Иной удел

Полмесяца утекло с тех пор, как улеглись страсти у источника Внимающего снегу, и незаметно подкрался канун Нового года.

В праздничную ночь пограничный городок расцвел мириадами огней. Но здесь, в Лощине Абрикосового цвета, по-прежнему царил глухой мрак, нарушаемый лишь яростным свистом ветра, гулявшего в кронах деревьев.

Выбравшись из лохани после купания, Цзинь Линьэр наспех обтерся полотенцем. Жесткая ткань прошлась по спине, задев пять едва затянувшихся глубоких шрамов, — мальчишка охнул от боли. Мокрые волосы он сушить поленился: пища и чертыхаясь, заполз на постель и с головой укутался в тяжелое одеяло.

На очаге шумно бурлила вода в огромном котле, выпуская клубы густого пара, а в кипятке весело кружились пухлые белые хуньтуни.

Сунь Цинфэн, помешивая варево огромным половником, обернулся и сердито пригрозил ему:

— Сколько раз повторять: сначала приготовь чистую одежду, а потом лезь в воду! Опять голышом в постель сиганул? Одеяло же вымокнет! Коли замерзнешь ночью, даже не думай проситься ко мне под бок, живо на пол спущу.

Цзинь Линьэр, закрутившийся в одеяло на манер праздничного рулета, высунул наружу только кончик носа и блестящие глаза:

— Сегодня праздник, ругаться грешно!

— Да когда это я тебя ругал? — Сунь Цинфэн, частенько пасуя перед детской изворотливостью, давно научился врать напропалую с самым невозмутимым видом. Разогнав шумовкой белую пену, он принялся вылавливать всплывшие хуньтуни. — А ну вылезай и одевайся! Живо! Не то выкину за порог, волкам на забаву.

Мальчишка лукаво прищурился и нехотя сполз на пол. Потянувшись к низкому сундуку, он взял перешитую специально для него новую одежду и, натягивая ее, принялся уморительно передразнивать грозный бас своего опекуна.

Затягивая пояс, он пропищал:

— «Эй, Цзинь Линьэр! Ты опять завязал кушак наизнанку! А ну переделывай, не то вздерну на ближнюю сосну, пускай дикие осы в твоих волосах гнездо соведут!»

Обувая новые башмаки, он продолжил:

— «Линьэр, негодник, ты ухитрился перепутать правый и левый лапоть? Живо переобуйся, а не то поставлю босыми ногами на раскаленный противень!»

Приблизившись к очагу, он скорбно покачал головой и вздохнул во весь голос:

— «Эх, горе ты мое, Линьэр... Ну в кого ты уродился таким бестолковым? Ни капли сходства с покойным братом Чжао! Худший глава культа, какого мне только доводилось нянчить!»

Лицо Сунь Цинфэна потемнело — того и гляди, он взорвётся.

Однако малец шустро шмыгнул опекуну за спину, высунул голову из-под его локтя и, жадно косясь на дымящееся блюдо, шутливо добавил своим обычным голосом:

— А если спросишь, у кого это у меня такой скверный нор, то ответ прост: когда живешь с кем-то бок о бок, волей-неволей перенимаешь повадки того, кто варит тебе хуньтуня.

— Ах ты... негодник! — задохнулся от возмущения великан. Но стоило ему взглянуть на сияющую, озорную улыбку мальчишки, как его гнев испарился. Сунь Цинфэн лишь обреченно вздохнул: — Извести меня решил? Ну давай, изводи. Сведешь старика в могилу, так вместе к Желтым источникам и отправимся.

Когда в доме топится печь, струится дымок и пахнет сытной едой, суровый мир отступает. В такой тишине не хочется кричать — хочется лишь замереть и упиваться этим простым, неприметным счастьем.

Неуловимым движением Цзинь Линьэр игриво ущипнул опекуна за подбородок, подхватил свою глиняную плошку и вихрем метнулся к столу. Опустив посудину на столешницу, он сразу схватился за уши, причитая:

— Ой, горячо, горячо!

Сунь Цинфэн неспешно подошел, неся перед собой огромную суповую чашу.

— Ешь давай. Поужинаешь — и сразу на боковую.

Цзинь Линьэр аккуратно выловил ложкой три самых пухлых хуньтуня и переложил их в чашу защитника.

— Пусть в новом году болезни и невзгоды обходят тебя стороной, — с улыбкой пожелал он.

Сунь Цинфэн разом отправил подношение в рот и, звучно жуя, пробормотал с набитым ртом:

— Если наш многоуважаемый глава культа не будет хворать, твой покорный защитник и без того вознесет благодарственные молитвы всем небесным божествам.

Какое-то время в комнате раздавалось лишь дружное чавканье. Наконец, управившись с большей частью ужины, Линьэр поднял глаза:

— Старший Сунь, а ведь ты говорил, что начал постигать «Божественное искусство Золотого облика» в двадцать лет?

Тот даже головы не поднял от своей чаши:

— Я же рассказывал тебе об этом всего полмесяца назад. Память девичья?

— Но с виду тебе едва ли дашь больше тридцати, — озадаченно протянул мальчик.

— Бессмертие не защищает от старости, — небрежно отозвался Сунь Цинфэн. — Иногда время берет свое.

— «Иногда»? Ах, я понял! — Взволнованный внезапной догадкой, Линьэр с силой прикусил горячий хуньтунь. Пряный бульон брызнул во все стороны, угодив Сунь Цинфэну прямо в переносицу. Испугавшись гнева великана, мальчишка схватил первую попавшуюся под руку тряпку и рьяно принялся вытирать ему лицо.

Терпение Сунь Цинфэна висело на волоске.

Заметив опасный блеск в глазах опекуна, Цзинь Линьэр поспешил заговорить зубы, дабы отвлечь его внимание:

— Послушай! Каждому преемнику после передачи внутренней силы требуется время, чтобы освоиться с чужой мощью. И пока его кунг-фу несовершенно, а Золотая печать лишается кровавой подпитки, твоё тело уступает годам и стареет, как у простых смертных. Верно?

Защитник медленно прожевал очередной хуньтунь и неохотно кивнул, явно не желая беречь старые раны.

Однако в душе мальчика давно зрел вопрос, не дававший ему покоя ни днем ни ночью.

— Скажи... — нерешительно начал Линьэр. — Что случится, если призрачная злоба, спящая в твоём теле, вырвется наружу?

— Погибнут миллионы, — глухо отозвался Сунь Цинфэн. — Земля укроется телами, а пролитая кровь потечет бурным потоком.

— Но почему? — испуганно прошептал мальчик.

Сунь Цинфэн горько усмехнулся:

— Говорят, триста лет назад, когда кочевники Гуйфан впервые пошли войной на Срединную равнину, наставник Пути совершенной истины Цю Чуцзи собрал лучших мастеров Поднебесной, чтобы дать им отпор. Поля сражений тогда кишели бесчисленными неупокоенными душами и призрачной злобой, терзавшей невинный люд. Чтобы усмирить этот кошмар, мастер Цю, не пощадив собственной жизни, сотворил Девятикратное великое построение Подавления душ и запечатал скверну в недрах земли.

Линьэр уже подрос и больше не дрожал при упоминании о нечисти, но от этих слов по его коже побежали мурашки. Ложка со звоном выпала из его рук прямо в плошку с супом:

— Я ведь тоже совершенствую это искусство... Значит, и во мне зреет эта жуть? Но почему я ничего не чувствую?

Сунь Цинфэн со вздохом покачал головой:

— Не бойся. Прежде я лгал тебе, лишь бы заставить прилежно тренироваться. Само по себе «Божественное искусство Золотого облика» не порождает внутри скверну. Но два века назад, когда ковалась Золотая печать, произошел несчастный случай. Я обрел бессмертие, но взамен превратился в магнит для призрачной злобы. За двести лет я прошел через тысячи битв в заснеженных степях Байхая. Представляешь, сколько темной энергии скопилось во мне за это время? Если эти оковы падут, мир содрогнется.

Поверить в подобное было трудно, но Линьэр вспомнил отца, и все кусочки мозаики наконец сошлись.

— Раньше я думал, будто отец устроил то тайное построение в подвале Лощины Абрикосового цвета лишь из эгоизма — просто не пожелал обрекать меня на смерть, забирая Золотую печать. Разумеется, я ни в чем его не виню. Даже если им правил эгоизм, это была любовь ко мне, а не забота о себе... Я так по нему тоскую.

— Брат Чжао и не думал нарушать уговор, — мягко возразил Сунь Цинфэн. — Скрытая ловушка предназначалась для Ху Цзю, исключительно ради предосторожности. Твой отец всегда отличался редкой дальновидностью. Опасаясь, что Альянс боевых искусств приберет к рукам Золотую печать, он принял тяжелое решение: передал ее тебе, а сам пожертвовал жизнью, чтобы запутать преследователей. Мое существование неразрывно связано с печатью. Твой отец знал: если Ху Цзю попытается силой вырвать ее из твоей груди, призрачная злоба вырвется на свободу и уничтожит все живое. Именно поэтому он загодя подготовил построение Покорности

демонов. Он пытался предугадать ходы этой лисицы. Ведь едваковка печати завершилась, Ху Цзю покинул город Мона. Он даже не подозревал, что древний ритуал пойдет наперекосяк и я вернусь к жизни.

— Но люди из Альянса боевых искусств, похоже, все разузнали... — Линьэр вздохнул. — Ладно, не изводи себя. Быть может, Ху Цзю окажется разумным? Встретимся, поговорим, найдем какой-нибудь выход вместе.

— То что ищейки из Альянса так быстро вышли на твой след, действительно странно, — покачал головой Сунь Цинфэн. — В толк не возьму, где мы оступились. К тому же, лишь после встречи с Фу Цинчжи я узнал, что у Ся Цинжоу был точно такой же лисий хвост, как у Ху Цзю. Похоже, это одно и то же лицо. Если так, то осторожность твоего отца спасла нам жизни. Подумай сам: Ху Цзю под чужой личиной пробрался в культ Золотого света. Он наверняка знал о моем существовании, но все равно очернял наше имя перед миром, натравливая на нас праведные школы Поднебесной. У него явно свои скрытые мотивы. Жаль только, когда твои родители прикончили Ся Цинжоу, меня не было рядом, а твой отец никогда прежде не видел истинного облика Ху Цзю. Из-за этого мы упустили разгадку.

Столь долгая речь отняла у защитника последние силы. Он устало прикрыл глаза и пробормотал:

— Ладно, слишком все запутано. Не забивай голову раньше времени.

— Твой прошлый приступ... — тихо спросил Линьэр. — Это случилось из-за того, что я ленился тренироваться?

Сунь Цинфэн покачал головой.

— Из-за того, что я наотрез отказался пить человеческую кровь?

Защитник помедлил мгновение, но все же кивнул.

— Вот почему ты в последнее время сам не свой... — мальчик понурился, чувствуя, как к горлу подступает комок. — Тебе, должно быть, невыносимо тяжело. Это все из-за меня... — Вдруг его лицо прояснилось, он удивленно округлил глаза: — Послушай! А что, если я буду пить собственную кровь? Поможет?!

Сунь Цинфэн поперхнулся бульоном и едва не выплюнул его обратно в чашу:

— У тебя в голове вместо ума тыквенная мякоть, что ли?

— Но что же нам тогда делать? — закручинился Линьэр, забавно наморщив лоб совсем как взрослый.

Сунь Цинфэн допил остатки бульона и с глухим стуком опустил посудину на деревянную столешницу.

Опустевшая чаша сияла чистотой, от нее еще поднимался тонкий парок, пахнувший пряными травами.

— Вижу, как ты себя изводишь, — тихо произнес он. — Пожалуй, пришло время поговорить начистоту.

Сунь Цинфэн негромко постучал костяшками пальцев по столу, привлекая внимание мальчика:

— В юности я был несносным сорванцом. Дважды сбегал из лагеря войска Байхая, и оба раза меня ловил твой великий предок — генерал Чжао Хуань. Как-то раз он привел меня на поле боя, указал на израненных воинов, которые лишились рук, но все равно продолжали драться зубами, и произнес слова, что врезались мне в память на всю жизнь: «Человек зовется человеком не благодаря брenneй плоти да костям, а оттого, что в нем теплится несокрушимый дух».

— Дух? — эхом повторил Линьэр.

— Именно, — вздохнул великан. — Но что это значит? Посмотри на меня. Я, Сунь Цинфэн, прославленный воин, чье мастерство не знает равных, а подвигам нет числа. И в то же время я — ходячая темница для призрачной злобы, обреченная влачить жалкое существование за счет чужой крови. Мой отец был набожным буддистом, я и сам чтил заветы милосердия, но вместо этого десятилетиями копил на душе тяжкие грехи. Двести лет тянулась эта пытка: стоило ордам Гуйфан показаться на границе, я шел проливать кровь в снегах Байхая; когда же наступал мир, я просто медленно гнил заживо в глуши. Моя воля давно истощилась, дух угас. Я лишь носил человеческое обличье, а внутри ничем не отличался от упыря.

За этими скупыми словами скрывалась долгая, полная лишений история.

Род Чжао испокон веков держал оборону на северных рубежах, их предки веками жили среди вечных льдов Байхая.

Два столетия назад, когда дикари Гуйфан хлынули полноводной лавиной на государство Юн, над рубежами нависла смертельная угроза. Чтобы не дать врагу захватить гору Цинмин и превратить ее в плацдарм для покорения Срединной равнины, генерал Чжао Хуань пошел на отчаянный шаг. Он доверился лису-демону Ху Цзю и согласился постичь запретное учение, требующее кровавых жертвоприношений.

В те годы молодой Сунь Цинфэн жил в городе Мона, что раскинулся на склонах горы Цинмин.

Его семья процветала, набожный отец не жалел средств на милостыню бедным, а их фамилия

пользовалась всеобщим почетом. Однако сам Сунь Цинфэн уже в восемь лет покинул родное гнездо и прибил к войску. О том, как именно он обрел проклятое бессмертие, почему сделался бессменным защитником Золотой печати и навеки связал свою судьбу с потомками генерала Чжао, он не рассказывал никому и никогда.

Сунь Цинфэн грустно улыбнулся:

— За все два века ты — единственный хранитель печати, который наотрез отказался проливать человеческую кровь.

Линьэр не ведал всех тайн прошлого, но сердцем чувствовал, какую неподъемную ношу нес опекун все эти годы. В глазах мальчика отразилась глубокая печаль.

— Прости меня, старший Сунь, — повинился он, опустив голову. — Я знаю, что подвел тебя. Но я не могу лишать жизни людей. Рука не поднимается... Прости.

— Глупый малец, да разве я тебя упрекаю? — Сунь Цинфэн ласково взъерошил ему волосы. — Я пытаюсь объяснить тебе, что такое истинный дух. Ты кажешься трусливым, но, когда нас окружили тысячи врагов, ты предпочел бы умереть, нежели сделать хоть глоток людской крови. Тебя называют слабым, однако ты готов был принять от меня смерть, но не бросил своего защитника, когда меня терзала призрачная злоба. В тебе живет душа благородного мужа, Линьэр. И даже если бы ты согласился пить звериную кровь, муки твоей совести терзали бы тебя ничуть не меньше, чем меня — скопившаяся в теле скверна.

Защитник редко баловал его добрым словом. В этот миг Линьэр почувствовал одновременно и гордость, и жгучую неловкость.

— Разве сравнится моя мимолетная грусть с теми мучениями, что изо дня в день выносишь ты? — вздохнул он.

— Пусть твои затеи по-детски глупы, ты никогда не опускал рук перед судьбой, — Сунь Цинфэн глубоко вздохнул, и плечи его расправились. — Даже если бы тебе пришлось замарать руки в крови и прослыть злодеем, твое стремление к свету и доброте осталось бы прежним. Твой внутренний дух не сломить никому.

— Да какой там дух... — Линьэр смущенно почесал затылок. — Я просто бестолковый, вот и не умею думать наперед.

— Нет, именно ты помог мне наконец осознать мудрость генерала Чжао, — защитник заглянул мальчику в глаза с предельной серьезностью. — Дух — это верность своей тропе, непоколебимая вера. Пока ты сам не сдашься, никакая сила в подлунном мире не сможет отнять ее у тебя. Обладая этим сокровищем, ты одолеешь любые кручи, пройдешь самые тернистые пути. Твою волю не сокрушит ураган, не зальет яростный ливень. Она подобна прекрасному цветку: пускай буря сорвет лепестки и втопчет их в придорожную грязь — они до

последнего мгновения будут источать благоухание. Все эти годы я лишь изнывал от жалости к себе, непрестанно оглядываясь назад. Ты же идешь вперед с чистым сердцем, не ведая сомнений. В этом я уступаю тебе.

— Я?.. — растерялся мальчуган.

— Золотая печать навек срослась с твоей душой, а мое тело сковано призрачной злобой, — продолжал Сунь Цинфэн. — Нам не дано изменить это проклятие. Но кто сказал, что мы обязаны покорно склонить головы? Коль скоро ты не желаешь губить невинных ради силы, а я готов терпеть боль — почему бы нам не бросить вызов судьбе? Давай попробуем жить иначе. По-своему.

— Но я не хочу, чтобы ты страдал из-за меня! — воскликнул Линьэр.

— Я делаю это не ради тебя, глупый, — мягко возразил защитник. — А ради себя самого.

— Мне страшно за тебя. Вдруг тебе станет совсем худо?

— Черное колдовство Ху Цзю способно иссушить мою плоть и растоптать веру в прах, но ему вовек не сломить мой дух. Я познал, что такое истинное отчаяние, когда два столетия неприкаянной тенью скитался среди бескрайних льдов Байхая. Но теперь, хвала небесам, я наконец узнал, как выглядит надежда.

— И как же? — затаив дыхание, спросил мальчик.

Сунь Цинфэн лишь молча и тепло посмотрел на него.

Линьэр смущенно заерзал на месте, не зная, куда девать глаза:

— Я...

— Не веришь мне? — усмехнулся Сунь Цинфэн. — Если веришь, позволь мне исполнить свой долг до конца.

Линьэр подбежал к великану, крепко обнял его за пояс и уткнулся носом в широкую грудь.

— Старший Сунь, ты самый лучший... — раздался его глухой, сонный голос. — Я хочу всегда-всегда быть с тобой. И тоже никогда не стареть.

— Эх ты, глупыш. Какая радость в вечной жизни, если проводить ее в унынии? Уж лучше прожить короткий век, но ярко и с пользой. Погляди хоть на Фу Цинчжи: коптит небо уже

несколько столетий, а ума так и не нажила — дура дурой. — Тяжелая ладонь Сунь Цинфэна мягко легла на спину мальчика, осторожно поглаживая скрытые под рубахой рубцы. — Просто сознайся, что струсил. Ну как, шрамы-то еще ноют?

Линьэр тут же напустил на себя важный вид и надул щеки:

— Я уже вырос и стал настоящим мужем! Не приставай ко мне с такими расспросами, у меня, между прочим, тоже есть гордость!

Сунь Цинфэн с улыбкой смотрел, как Линьэр карабкается на кровать. Личико приемыша по-прежнему оставалось по-детски круглым, а глаза — живыми и черными, точно спелые смородины, но за этот год он заметно вытянулся и похудел. Из его облика постепенно уходила младенческая мягкость, уступая место угловатым очертаниям подростка.

«Как же хочется увидеть тебя взрослым, — подумал защитник. — Посмотреть, как ты возмужаешь, найдешь себе добрую жену, обзаведешься детишками... А потом встретишь тихую, благословенную старость».

Приведя в порядок утварь, Сунь Цинфэн задул светильник, забрался на постель и натянул одеяло до подбородка.

— Коль скоро дух человеческий жив, то даже посреди крошечного ада в сердце расцветет чистая обитель, — тихо проговорил он перед сном. — Хрупкий тростник легко сломать, но вековую скалу не сдвинуть с места. Если в твоей душе горит свет и ты неотступно стремишься к нему, то даже на самом дне огненной геенны мягкая трава обратится в нерушимый камень. В этом и кроется надежда. Поднебесная огромна, в ней скрыто множество чудес. Мы непременно отыщем способ уберечь тебя от коварной призрачной злобы.

Из-под соседнего одеяла донеслось сонное бурчание:

— Ладно уж... Наш великий культ милостиво принимает твои заверения. Не боюсь я никакой злобы.

— Ишь, еще не заснул, а уже бредит, — беззлобно усмехнулся Сунь Цинфэн.

По заведенному обычаю они мысленно провели черту прямо посередине широкого ложа, разделив его на равные половины. Каждую ночь они спали спина к спине, плотно завернувшись каждый в свое одеяло.

Закрепленную на стене жемчужину ночного сияния заботливо укрыли плотным лоскутом ткани. Единственным источником света оставался бледный луч луны, робко заглядывавший в окно и ложившийся на изголовье постели.

Они лежали неподвижно, прислушиваясь к дыханию друг друга. Решив, что напарник наконец уснул, они одновременно запустили руки под подушки. С тихим шорохом оба извлекли наружу маленькие узелки из красного шелка. Развернув их в полумраке, они замерли в изумлении.

Много дней назад, когда Сунь Цинфэн в ярости раздавил бубенчик с косы долголетия Линьэра, старинное украшение расколосось надвое. Пустая латунная скорлупка осталась у мальчика, а крохотный золотой шарик-язычок сохранил у себя великан.

В эту новогоднюю ночь они, сами того не ведая, приготовили друг другу одинаковый подарок. Теперь пустая половинка бубенчика оказалась в ладони Сунь Цинфэна, а золотая бусина перекочевала в пальцы Цзинь Линьэра.

Линьэр не выдержал и тихонько прыснул. Повозившись, он беззастенчиво перелез под чужое одеяло и зашептал опекуну на ухо:

— Моя постель и впрямь сырая... Холодно жуть как!

Сунь Цинфэн легонько потрепал его по макушке и притворно рассердился:

— А ну лежи смирно! Не то сейчас же выброшу...

— Волкам? — хихикнул малец. — Те серые бедняги под нашими окнами уже столько лет ждут твоего угощения, что, небось, давно окочурились с голоду! Не напугаешь!

С этими словами он по-хозяйски обхватил защитника руками за шею и бесцеремонно закинул на него ногу.

Сунь Цинфэн, разумеется, никуда его не выкинул.

<http://bllate.org/book/18425/1786135>